

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД

Денис Джонсон

Сны поездов

Издательство «Синдбад»

2002

Джонсон Д.

Сны поездов / Д. Джонсон — Издательство «Синдбад», 2002

ISBN 978-5-00131-409-7

Соединяя в себе, подобно древнему псалму, печаль и свет, книга признанного классика современной американской литературы Дениса Джонсона (1949–2017) рассказывает историю Роберта Грэйньера, отшельника поневоле, жизнь которого, охватив почти две трети XX века, прошла среди холмов, рек и железнодорожных путей Северного Айдахо. Это повесть о мире, в который, несмотря на переполняющие его страдания, то и дело прорывается надмирная красота: постичь, запечатлеть, выразить ее словами не под силу главному герою – ее может свидетельствовать лишь кто-то, свободный от помыслов и воспоминаний, от тревог и надежд, от речи, от самого языка. Таким мог бы быть сон, привидевшийся поезду, – если бы поезда могли видеть сны.

ISBN 978-5-00131-409-7

© Джонсон Д., 2002

© Издательство «Синдбад», 2002

Содержание

1	6
2	9
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Денис Джонсон

СНЫ ПОЕЗДОВ

Copyright ©2002 by Denis Johnson

Published in the Russian language by arrangement with *Farrar, Straus and Giroux, New York.*

Russian Edition Copyright © 2021, Sindbad Publishers Ltd.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2021

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

* * *

Синди Ли, навсегда

1

Летом 1917 года Роберт Грэйньер стал соучастником покушения на убийство китайского рабочего, пойманного на краже (по крайней мере, обвиненного в таковой) со складских помещений железнодорожной компании «Спокан Интернэшнл» в Северном Айдахо.

Трое из путейской бригады схватили вора и поволокли вдоль берега, вверх по течению, к строящемуся мосту, что возвышался над рекой Мойи. Китаец исторгал бурные потоки тарбарщины. Он брыкался и извивался, словно ласка в мешке, то и дело пытаясь достать свободным кулаком того, кто тащил его за ворот. Грэйньер, когда эта бражка поравнялась с ним, увидел, что сами они не вполне справляются, и вызвался помочь, ухватив законопреступника за босую ногу. Таким образом он оказался лицом к лицу с мистером Сирзом из администрации «Спокан Интернэшнл», который держал невольника под мышку – толку, правда, от этого почти не было, – и, не считая сотрясавшего воздух китайца, был единственным, кому физическое напряжение не мешало говорить: «Чтоб я сдох, парни, добраться бы до вершины!» То есть, мы его всю дорогу будем на себе тащить? – хотел спросить Грэйньер, но воздержался, решив приберечь дыхание для подъема. Сирз хохотнул – лицо бледное от усталости и смятения. Они валились в пыль, поднимались на ноги, снова валились; китаец, лопотававший на непонятном языке и перепугавший всех четверых до полусмерти, теперь точно был не жилец, даже если изначально они этого не замыслили. Оставалось лишь сбросить его с подмостей.

Они поравнялись с остальными членами бригады – дюжиной работяг, замерших на солнцепеке, чтобы, опершись на свои инструменты и утерев пот, поглазеть на это диво. Грэйньер, поражаясь самому себе, судорожно сжимал мозолистую ступню китайца; тот, кто держал другую ногу, расцепил хватку, сел на землю, борясь с одышкой, и тут же получил в глаз, прежде чем Грэйньер успел перехватить высвободившуюся конечность. «Вот уж позабавились. На славу», – сказал сидевший в пыли мужчина; потом, глядя на одного из сообщников, добавил: «Слышь, Джел Тумис, может, хватит уже?». На это мистер Тумис ответил: «Что – хватит? Я не могу шею выпустить», – и рассмеялся; по его лицу пробежала тень замешательства. «Я держу, – сказал Грэйньер, покрепче ухватив дьяволенка за ноги. – Ублюдок в надежных руках, не благодарите!»

Каратели добрались до середины последнего достроенного пролета – шестьдесят футов над быстринной – и попытались сбросить китайца вниз. Однако тот оказался проворнее: цеплялся за их руки и ноги, мешал свою абракадабру с воем, а потом вдруг разжал пальцы и ухватился одной рукой за балку пониже. Он без труда вырвался от своих пленителей, поскольку они и сами пытались от него избавиться, перевалились через перекладину, повис над ущельем, над рекой и, перебирая руками, двинулся по остоу ближайшего пролета. Напарник мистера Тумиса бросился за ним, балансируя на балке и норовя наступить ему на пальцы. Китаец перескакивал с балки на балку, как цирковой акробат, перемещаясь все ниже по решетчатой конструкции. Кто-то из рабочих заулюлюкал, торжествуя его побег, тогда как другие, хотя и не вполне понимали, почему его преследуют, кричали, что негодника нужно остановить. Мистер Сирз вынул из поясной кобуры внушительного вида старый четырехзарядный револьвер и выпустил все четыре пули – впрочем, безрезультатно. Китаец уже скрылся из вида.

* * *

Возвращаясь домой после того происшествия, Грэйньер сделал крюк в две мили и дошел до магазина в железнодорожной деревушке Медоу-Крик, чтобы купить бутылку сарсапариллы¹ «Худс» для своей жены Глэдис и их грудной дочурки Кейт. Было жарко и, прежде чем прошагать последнюю милю до хижины на вершине поросшего лесом холма, Грэйньер остановился и выкупался в реке Мойи, выше по течению от деревни, там, где поглубже.

Был субботний вечер и, перед тем как разойтись, несколько железнодорожников из Медоу-Крик собрались у бочага – купались прямо в одежде, а после, обсыхая, сидели на камнях до тех пор, пока последние лучи света не покинут каньон. Они скидывали туфли и ботинки и медленно входили в воду по самые плечи, гикая и плещась. Многие уже потягивали виски из фляжек, сидя на берегу и дрожа после омовения. Тут и там из воды вытарчивала рука, сжимающая потрепанную шляпу, пока ее владелец окунался с головой. Грэйньер никого из них не знал и держался поодаль, не спуская глаз со своих ботинок и бутылки сарсапариллы.

Подходя к дому в сгущающейся темноте, Грэйньер видел китайца практически повсюду. Вот он, китаец, на дороге. Вот он среди деревьев. Вот он плетется, расставив руки – предплечья болтаются, как веревки. Вот он паучьими па выбирается из ручья.

* * *

Бутылку он отдал Глэдис. Она сидела на кровати у огня, простуженная, и прижимала к груди малышку. Она вполне могла бы собраться с силами, перестирывать белье, порезать картошку и форель к ужину, но так уж у них было заведено – если у нее болела голова или закладывало нос, ей позволялось полежать с бутылкой-другой сладковатого тоника «Худс» и отдохнуть от домашних забот. Дочка Грэйньера, похоже, тоже сопливила. Глазки у нее чуть слиплись, под носом то и дело пузырилось, пока она сосала, пофыркивая, материнскую грудь. Кейт, пока еще безволосой, было четыре месяца. Похоже, она не узнала отца. Ее легкая хворь скоро пройдет – главное, чтобы не начался кашель.

Грэйньер стоял у стола посреди хижины и тревожился. Он был уверен, что китаец, пока его волокли, их проклинал – и теперь жди какой угодно беды. Хотя он был ошеломлен безумием прожитого дня, сбит с толку тем, как легко подхватила и увлекла его, словно семечко на ветру, жажда насилия, молодой Грэйньер, тем не менее, жалел, что они не пошли до конца и не прикончили китайца прежде, чем тот их проклинал.

Он присел на край кровати.

– Спасибо, Боб, – сказала жена.

– Вкусная сарсапарилла?

– Да, Боб. Вкусная.

– Как думаешь, Кейт чувствует ее в твоём молоке?

– Конечно, чувствует.

* * *

По ночам они часто слышали, как идущий на север поезд «Спокан Интернэшнл» минует Медоу-Крик в долине, в двух милях от их дома. Той ночью далекий свист поезда разбудил Грэйньера и он обнаружил, что лежит на тюфяке один.

---

¹ Безалкогольный напиток на основе березового масла и сушеной коры дерева сассафрас. Здесь и далее – прим. перев.

Глэдис с Кейт на руках сидела на скамейке у очага, пальцем снимала остывшую овсянку со стенок котелка и давала дочке обсосать.

– Как думаешь, сколько всего она уже знает, а, Глэдис? Столько же, сколько щенков, как думаешь?

– Щенок может жить сам по себе после того, как сука его отлучит, – сказала Глэдис.

Он ждал, пока она объяснит ему смысл этих слов. Она была смышленее, чем он.

– Человеческий детеныш не может, – сказала она, – жить самостоятельно, как только его отнимут от груди. Щенок знает больше, чем ребенок, пока ребенок не заговорит. Не просто выучит первые слова, а заговорит. Пес, выращенный в доме, знает не меньше слов, чем ребенок.

– Сколько слов, Глэдис?

– Ну, – сказала она. – В основном это слова для трюков и команд.

– Назови их, Глэд. – Было темно, и ему лишь хотелось слышать ее голос.

– Например принеси, ко мне, сидеть, лежать, кувырок. Какие слова знает, такие команды и выполняет.

Он почувствовал, что дочь смотрит на него в темноте, как загнанный в угол зверь. Пустые мысли, игра воображения – и все равно, вниз по позвоночнику пробежал холодок. Он поежился и натянул одеяло до самого подбородка.

Роберт Грэйньер запомнит эту ночную секунду на всю оставшуюся жизнь.

2

Сорок один день спустя Грэйньер стоял среди путейцев и смотрел, как по мосту, который они построили, идет первый локомотив, пересекая 112-футовый разрыв над ущельем глубиной в 60 футов. Мистер Сирз, стоявший рядом с машиной, поднял свой четырехзарядник, чтобы дать сигнал к началу. При звуке выстрела машинист отжал тормоз и спрыгнул на землю, мужчины загалдели, а паровоз потащился по путям – через Мойи, на другую сторону, где уже ждал помощник машиниста, чтобы вскочить на борт и от тормозить локомотив, не дав ему сойти с рельсов. Мужчины вопили и улюлюкали. Грэйньеру было грустно. Он не понимал почему. Он тоже улюлюкал и свистел. Мост назовут Одиннадцатимильным срезным – он срезал путь, проходивший по долгой дуге, что огибала ущелье и близлежащий перевал, и тем самым избавлял «Спокан Интернэшнл» от необходимости следить за участком рельсов и шпал протяженностью в одиннадцать миль.

* * *

После опыта на Одиннадцатимильном срезном Грэйньер стал жаждать участия в подобного рода масштабных начинаниях: вместе с оравами мужчин валить лес и собирать гигантские конструкции, увязывая стволы в массивные эстакады, простиравшиеся над непроходимыми пропастями – все больше, длиннее, глубже. В 1920-м он отправился на северо-запад штата Вашингтон, чтобы принять участие в ремонте моста Робинсон-Гордж, на тот момент самого крупного из всех, что он видел. Проектировщики перекинули его через ущелье глубиной 208 футов и шириной 804 фута, оснастив железной дорогой, способной удержать паровоз и два вагона, груженных бревнами. Мосту Робинсон-Гордж, старому, шаткому, жутковатому, было лет тридцать, состав всегда ходил по нему без машиниста. На другом конце поезд подхватывал тормозильщик.

Когда ремонтные работы окончились, Грэйньер, устроившись в лесозаготовительную компанию «Симпсон», перебрался на заросшие горные склоны. По всей округе были высланы короткие бревенчатые дороги. Рельсы предназначались исключительно для транспортировки древесины; сорок с лишним человек, включая Грэйньера, подвозили бревна на шестиконных упряжках к железнодорожной площадке, до которой дотягивал кабель.

На площадке дремал гигантский паровоз – бригадир называл его ослом: это была машина с двумя огромными железными барабанами, один из которых травил трос, а другой наматывал его, подтаскивая бревна к площадке и тут же направляя крюк к чокеровщику, арканившему следующее бревно. Паровоз был старым дровяным колоссом, он пульсировал, рокотал и охал, из него с ревом вырывался пар; лошади двигались по трелевочному волоку замедленно и, казалось, безмолвно – живые звуки поглощались механическим пыхтением и лязгом. С площадки бревна грузили на вагоны-платформы, а затем, через дивно пустую глубину ущелья Робинсона, спускали вниз по горе – к стрелке, от которой железные дороги расходились по всему американскому континенту.

Роберту Грэйньеру тем временем минул тридцать пятый год. Он скучал по Глэдис, своей малышке, и Кейт, своей малютке, но до женитьбы он тридцать два года проходил бобылем, поэтому, окруженный бесчисленными елями, легко соскользнул в привычное одиночество.

Грэйньер работал чокеровщиком – не у вагонов, а в лесу, где распиловщики в парах валили ели, сучкорубы топорами очищали стволы, раскряжевщики делили их на восемнадцатифутовые куски, и уж потом чокеровщики обматывали их тросом, чтобы прицепить к лошадиной упряжке. Грэйньер наслаждался этой работой, мышечным напряжением, пьянящей усталостью.

стью, глубоким отдохновением в конце дня. Ему нравилось, каким все вокруг было огромным, нравилось ощущать себя забытым и затерянным, а еще ему казалось, что здесь, под присмотром всех этих деревьев никакая опасность к нему не подберется. Однако, по словам Арна Пиплса, старика, бывшего лесоруба, деревья сами по себе – убийцы, и, хотя хороший вальщик может девяносто девять раз безошибочно рассчитать падение, а также по безупречным затеям и зарубам сказать, что пятидесятитонник развернется под гору и пройдет за его спиной с проворством и точностью штопальной иглы, в сотый раз ствол может прилететь ему в лицо и станет он мертвее камня – раз, и все. Арн Пиплс рассказывал, что однажды видел, как пятитонное бревно подпрыгнуло, будто его спугнули, слетело с повозки и приземлилось на шестерых лошадей, раздавив насмерть всех до единой. Дерево может быть тебе другом, но лишь до тех пор, пока ты его не трогаешь. Вонзил лезвие в ствол – считай, объявил войну.

Оторванные от мирских забот, члены бригады – иногда их было больше сорока и никогда меньше тридцати пяти – сражались с лесом от рассвета и до ужина: повалят гигантскую ель, распилят ее на бревна, такие, что едва с места сдвинешь; Грэйньеру эта работа представлялась не менее значительной, чем возведение пирамид – они меняли внешность горных склонов; они почти не разговаривали, разве только выкрикивали что-нибудь изредка; их бороды слипались и черствели от смолы, их калсыны намокали от пота, пыль запекалась в складках их шей, под локтями, под коленями; от густого запаха смолы саднило в горле и щипало глаза, этот запах перекрывал даже вонь животных и душок навоза. В конце дня все валились спать – примерно там же, где валили деревья. Хижин на всех не хватало. Большинство мужчин спало в палатках – древних, тут и там залатанных мешковиной; впрочем, и мешковина, по словам Арна Пиплса, была вырезана из пехотных палаток Северной армии, времен Гражданской войны. Пиплс показывал пятна крови на ткани. Некоторые из этих палаток служили еще американским кавалеристам во времена индейских кампаний – и наверняка пережили тех, кому давали приют; во всякому случае, так считал Арн Пиплс.

– Только дайте мне топор, парни, – любил повторять он. – Если я возьмусь за дело, то утром, придя на работу, вы обнаружите, что вчерашние щепки и пыль еще не улеглись...

«Я создан для летних лесозаготовок, – говорил Арн Пиплс. – Вам, миннесотцам, оно, может, и не по душе. Я же, пока сотню не повалю, даже толком не разогреюсь. Помню, работал я на вершине горы недалеко от Бисби в Аризоне – до солнца там оставалось одиннадцать или двенадцать миль. Температура переваливает за сорок пять градусов: поднимаешься на шаг, становится еще на градус жарче. И это в тени. Вот только тени там не было». Всех своих собратьев по лесозаготовкам он почему-то называл «миннесотцами». При этом, насколько можно было судить, ни один из них в жизни не бывал в Миннесоте.

Арн Пиплс приехал с Юго-Запада и утверждал, будто виделся и разговаривал с братьями Эрп в Тумстоуне; по его словам, знаменитые законники были не блюстителями, а «фанатиками порядка»². В юности он работал на аризонских рудниках, потом десятилетиями валил деревья по всей стране, теперь же превратился в хилого, сморщенного колобродника, не в меру болтливый, сторонящегося тяжелой работы, самого дряхлого во всем лесу старика.

Полезен он бывал лишь от случая к случаю. Когда требовалось вырыть туннель, он был пороховой мартышкой – подрывником, то есть: устанавливал заряды и пробивал себе путь вглубь утеса, пока не выбирался с другой стороны; после каждого взрыва за ним расчищали завалы. Он был суверенен и делал все точно так же, как делал это в медных рудниках Мьюл-Маунтинс на юге Аризоны.

---

² С пребыванием братьев Эрп в Тумстоуне, штат Аризона, связана, в частности, самая известная перестрелка в истории Дикого Запада, произошедшая 26 октября 1881 года. Впоследствии этот эпизод многократно цитировался в кино и на телевидении.

«Я был свидетелем того, как мистер Джон Джейкоб Уоррен потерял все свое состояние. Напился и заявил, что сможет обогнать коня, – это, кстати, вполне могло быть правдой. Не таким уж Арн Пиплс был лгуном, во всяком случае, не заявлял, что знаком со знаменитостями, кроме разве что Эрпов, ну и потом, никто из присутствовавших ни разу не слышал о Джоне Джейкобе Уоррене. – Пospорил, что сможет обогнать трехлетнего жеребца! Стоял посреди улицы, раскачиваясь взад-вперед, глаза в кучку, до того пьян – даром что богатейший человек в Аризоне! – и как припустит, дыша тому жеребцу прямо в зад. Поставил на кон рудник Медной королевы. И профукал! *Vom* с кем бы я потягался! Теперь-то он, конечно, не просто на мели – на дне, и поставить ему толком нечего».

Бывало, установив заряд и повернув подрывной винт, Пиплс не добивался никакого результата. И тогда лес затихал, сгущалось напряжение. Люди, работавшие в полумиле от того места, каким-то образом понимали, что заряд все равно вскоре рванет, и вся работа стопорилась. Пиплс вытряхивал из карманов свои немногочисленные ценности – медные часы, оловянную расческу, серебряную зубочистку, – складывал их на пень и направлялся, не оглядываясь, в темноту туннеля. Когда он возвращался и вновь поворачивал винт, динамит взрывался с присвистом, мужчины устраивали овацию, а из туннеля вырывалось облако; пыль припудривала камни и теплым снегом падала на всех присутствовавших.

Ни у кого не вызывало сомнений, что Арн Пиплс покинет этот мир в клубках дыма, под монструозное грохотание, но все случилось несколько иначе: его ударило по затылку сухой веткой, упавшей с высокой лиственницы – такие коряги называют «вдоводелами», имея в виду как раз подобные несчастья. Удар свалил Пиплса с ног, но вскоре он пришел в себя и был, казалось, в порядке, жаловался лишь, что на позвонках у него «будто пупырки выросли» и «ходить теперь тянет зигзагами». В течение следующих дней у него было несколько приступов головокружения, он сделался сонным и забывчивым, все воскресенье пролежал в ознобе и горячке, а в понедельник утром его нашли мертвым – в кровати, с одеялом, натянутым до подбородка; по словам бригадира, он «выглядел таким умиротворенным, что никому и в голову бы не пришло его тревожить – лишь опустить в глубокую могилу вместе с постелью». Арн Пиплс говорил, что мирно стоящее дерево может быть другом, однако смерть он принял именно от такого дерева.

Его лучший друг Билли, тоже старик, но по большей части молчун, собрался с духом и произнес несколько слов у могильной насыпи: «Арн Пиплс в жизни никого не обманул, – сказал Билли. – Он никогда не крал, даже леденца не украл, когда был еще совсем ребенком, а прожил он до глубокой старости. Полагаю, каждый из нас может извлечь из этого урок: будь честен с людьми, и тебе за это воздастся. Во имя Иисуса, аминь». «Аминь», – повторили остальные. «Хотел бы я дать нам всем денек отгула, – сказал бригадир. – Но у нас есть начальство и идет война». Из-за войны в Европе спрос на еловую древесину значительно вырос. Несмотря на мирный договор, подписанный восемнадцать месяцев назад, бригадир не сомневался, что это лишь временное затишье; бои вскоре продолжатся, пока одна сторона не перебьет другую до последнего человека.

В тот вечер все обсуждали победы и поражения Арна и детально восстановили его последние часы. Что его сгубило – травма мозга или внезапная лихорадка? В горячке он выкрикивал какие-то безумства: «Эй, епископ, да воскреснут скалистые!» – а также: «Главногокопающий пайщик напал! Поберегись! Поберегись!», – и все зывал к духам прошлых лет, а также сообщил, что его навестили сестра с мужем, хотя оба, Билли знал это наверняка, были давно мертвы.

Работа Билли состояла в том, чтобы поливать и смазывать двигатель двухбарабанной лебедки, а также вовремя менять износившийся трос. Легкая работа, стариковская. Настоящим же механиком в отряде был Гарольд, двенадцатилетний сын бригадира, который шел впереди упряжек с ведром катраньего жира, намазывая его на полозья тряпкой из мешковины, чтобы огромные бревна не скатывались. Как-то утром – была среда, два дня спустя после

смерти и похорон Арна Пиплса – у юного Гарольда тоже закружилась голова: он упал прямо перед упряжкой, лошади шарахнулись, стараясь не затоптать его, и чуть было не опрокинули ношу. От смертельных увечий мальчика спас Грэйньер, оказавшийся рядом по счастливой случайности – он стоял на обочине, дожидаясь, когда будет можно перейти колею, и оттащил мальчишку за штанину. До самого вечера бригадир обхаживал сына, смачивая ему лоб ключевой водой. Юнец бился в горячке и бредил – именно из-за болезни его чуть не затоптали лошади.

Тем же вечером захворал и старый Билли – метался по койке из стороны в сторону и нескончаемо бредил до глубокой ночи. Не считая той речи у могилы друга, Билли, наверное, и двух-трех слов не произнес за все время, что они его знали, но теперь не давал уснуть тем, кто был неподалеку, да и те, кто спал на другом конце лагеря, позже говорили, что слышали его даже во сне – в основном он выкрикивал собственное имя: «Кто это? Кто здесь? – кричал он. – Билли? Билли? Ты, что ль, Билли?»

У Гарольда лихорадка прошла, у Билли затянулась. Вокруг бригадира будто бы роились призраки: он бродил по лагерю, то и дело к кому-нибудь приставал – то ткнет в сустав, то веко оттянет, то челюсти раздвинет – ни дать, ни взять, скупщик скота. В пятницу вечером, когда все собрались за ужином, он сказал: «Летние работы окончены». Каждому он рассчитал и выплатил жалованье – Грэйньер все лето посылал деньги домой, и тем не менее у него осталось еще четыреста долларов.

К вечеру воскресенья они спустили с горы последние бревна, а с простудой слегли еще шестеро. В понедельник утром бригадир выплатил каждому рабочему четыре доллара надбавки и сказал: «Проваливайте, парни». К тому времени кризис болезни миновал и у Билли. Но бригадир сказал, что опасается эпидемии инфлюэнцы, подобной той, что была в 1897 году. Он тогда осиротел – вся его семья, тринадцать братьев и сестер, умерли за неделю. Грэйньер сочувствовал боссу. Бригадир был толковым и честным начальником; голубоглазый мужчина средних лет, который не водил дружбы ни с кем, кроме своего сына Гарольда, и никогда никому не рассказывал, что рос без семьи.

То было первое лето, проведенное Грэйньером в лесах, а Робинсон-Гордж стал первым из железнодорожных мостов, на которых он работал. Годы спустя, точнее, спустя десятилетия, в 1962-м или 1963-м, он наблюдал за молодыми монтажниками на эстакаде, где Второй хайвей пересекает самое глубокое ущелье реки Мойи, столь же глубокое и длинное, как ущелье Робинсона. Старый хайвей проходил по дуге, пересекая мелководье, новый пролегал прямоком над пропастью, в нескольких сотнях футов над рекой.

Грэйньер с изумлением смотрел, как мальчишки срывают друг с друга каски и швыряют их на страховочную сетку тридцатью или сорока футами ниже, ухают за ними, чтобы неистово попрыгать в сетке, и карабкаются по нитям обратно на деревянный помост. Раньше он и сам обезьяной скакал по балкам, но теперь и на табурет влезть не мог, не почувствовав при этом легкий приступ тошноты. Глядя на мальчишек, он внезапно осознал, что прожил почти восемьдесят лет, и все это время мир продолжал – и продолжает – вращаться.

Несколькими годами ранее, в середине 1950-х, Грэйньер заплатил десять центов, чтобы посмотреть на Самого толстого человека в мире, восседавшего на тахте в автоприцепе, перевозившем его из города в город. Чтобы поместить Самого толстого человека на тахту, пришлось снять крышу с фургона и опустить его внутрь при помощи крана. Он весил больше тысячи фунтов. Сидел там, огромный, обливаясь потом – усы, козлиная бородка, в ухе золотая серьга, как у пирата; на нем были лишь блестящие шорты и больше ничего, плоть скатывалась с двух сторон, свисала с тахты, как застывший водопад, а из кучи малы, бывшей его телом, торчали голова, руки и ноги. Люди выстраивались в очередь перед открытой дверью, чтобы взглянуть. Каждому из зрителей он предлагал купить его фотографию из стопки, лежащей у окна, – за десятицентовик.

Грэйньер жил долго и с годами начал путать хронологию событий: например, был уверен, что в тот же день, когда он увидел Самого толстого человека – вечером того дня, – он стоял на Четвертой улице в Трое, штат Монтана, в двадцати шести милях восточнее моста, и смотрел на пассажирский вагон, в котором ехал странный молодой артист Элвис Пресли. Личный поезд Пресли почему-то остановился, возможно, для починки, именно здесь, в этом крошечном городке, где и станции-то как таковой не было. Ненадолго показавшись в окне, знаменитый юнец поднял руку в знак приветствия, однако Грэйньер этого не увидел – он слишком поздно вышел из парикмахерской напротив. Ему об этом рассказали горожане, выстроившиеся вдоль улицы в сгустившихся сумерках, перед дизелем, басившим на холостом ходу; некоторые тихо переговаривались, остальные молчали и все вглядывались в тайну и величие этого мальчика – недостижимого и такого одинокого.

Еще Грэйньер видел лошадь, снимавшуюся в вестерне, и мальчика-волка, а в 1927 году он поднимался в воздух на биплане. История его жизни началась с путешествия на поезде, которого он не помнил, а завершилась, когда он стоял и смотрел на поезд, перевозивший Элвиса Пресли.

3

Ребенком Грэйньера посадили на поезд и отправили в Айдахо. Он не знал, откуда именно приехал, поскольку его двоюродная сестра – она была старшей из детей – говорила одно, второй по старшинству брат – другое, а сам он не помнил. Тот второй кузен к тому же утверждал, что они вовсе и не братья, сестра говорила обратное: их мать, которую Грэйньер в не меньшей степени считал и своей матерью, приходилась сестрой его отцу, а ему, соответственно, тетей. И все трое – два брата и сестра – сходились в том, что Грэйньер приехал на поезде. Как он потерял своих настоящих родителей? Этому ему никто не рассказывал.

Когда он сошел с поезда в городке Фрай, штат Айдахо, ему было шесть или семь лет: с последнего дня рождения прошло уже много времени – возможно, и с предпоследнего, а последний он просто пропустил; в любом случае он не смог бы назвать точную дату. Насколько ему было известно, родился он где-то в 1886 году то ли в Юте, то ли в Канаде и к новой семье его привела Великая северная железная дорога, строительство которой завершилось в 1893 году. Он приехал, проведя несколько дней в поезде; пункт назначения был написан на оборотной стороне магазинного чека, приколотого к его груди. Все запасы провизии он съел в первый же день странствий, и в пути его подкармливали проводники. В этой череде передраг он тут же забывал происходившие с ним события, и вскоре воспоминания о самой ранней части жизни начисто стерлись у него из памяти. Его старшая сестра говорила, что он приехал с северо-востока Канады и поначалу изъяснялся исключительно на французском – им пришлось выбивать из него этот язык, чтобы высвободить место для английского. Двое же кузенов уверяли, что он мормон из Юты. В столь раннем возрасте он попросту не догадался разузнать у тети и дяди, кто же он на самом деле такой. Когда много лет спустя эта мысль все же пришла ему в голову, они оба давно умерли.

Его первое воспоминание: на грязной улице во Фрае, откуда видна река Кутеней, он стоит рядом со своим дядей, Робертом Грэйньером Первым, головой едва доставая ему до плеча, рядом с этим пропахшим дымом мужчиной, которого он почти сразу стал называть отцом, – и наблюдают они за массовой депортацией из города сотни, а то и больше, китайских семей. В конце улицы, на сортировочной станции компании «Боннер-Ламбер» стояли, почти не переговариваясь, мужчины с топорами, пистолетами и дробовиками, пока странные человечки вскарабкивались на три вагона-платформы, тараторя по-птичьи и сгоняя своих детей в самую гущу толпы, подальше от краев. Миниатюрные плосколицые мужчины держались чуть поодаль: сидели, подтянув колени к груди и обхватив руками голени, а поезд покидал Фрай и направлялся куда-то: лишь десятилетия спустя Грэйньер задумался о том, куда именно; он сам тогда уже был взрослым мужчиной и чуть не убил – хотел убить китайца. Большинство из них осело в тридцати милях к западу, в Монтане, между городами Трой и Либби, в местечке у реки Кутеней, которое впоследствии стало именоваться Китайским котлованом. К тому времени, когда Грэйньер начал работать на мостах, поселение рассеялось, в тех местах оставалась лишь горстка китайцев, и никто их больше не сторонился.

Река Кутеней, как было сказано, протекала через Фрай. У Грэйньера сохранились обрывочные воспоминания о той неделе, когда вода вышла из берегов и затопила нижнюю часть города. Самые хилые постройки смыло, унесло вниз по течению. Вода утянула почтовое отделение; Грэйньер помнил, как кто-то приподнял его на руках – отец, наверное, – и над головами столпившихся горожан он увидел, как здание плывет по реке. Потом какие-то канадцы обнаружили почтовое отделение: оно застряло в низине, в ста милях к северу, в Британской Колумбии.

Роберт и его новая семья жили в городе. Через два дома от них стояла обувная мастерская, принадлежавшая крупному лысому мужчине с короткими сильными руками, который

вечно ходил в джинсовом комбинезоне и никогда не носил шляпу. Иногда, если его не было поблизости, Роберт или кто-нибудь из братьев, пробирался внутрь и зачерпывал пальцем пчелиный воск из стеклянной банки, стоявшей на верстаке. Сапожник натирал этим воском нити, когда шивал жесткую кожу, дети же сосали его как конфету.

Как и многие другие, сапожник вечно жевал табак. Как-то раз он подозвал троих соседских ребятишек, когда те проходили мимо его двери. «Гляньте-ка», – сказал он. Наклонился и обильно сплюнул в прозрачную консервную банку, стоявшую у ножки стола. Поднял банку и взболтал мутную слюну. «Ну что, малышня, хотите попробовать?»

Дети молчали.

– Можете хлебнуть прямо отсюда, если охота, – сказал он.

Дети молчали.

Он вылил эту гадкую жижу в банку с пчелиным воском, хорошенько обмакнул туда палец, а затем поднес к их лицам и заорал: «Угощайтесь, когда захочется, в любое время!» И расхохотался – смеялся и остановиться не мог. Раскачивался в кресле, вытирая свои крошечные пальчики о джинсу на коленях. Когда, оглянувшись по сторонам, он не обнаружил ни одного свидетеля своей остроумной выходки, в его глазах промелькнуло что-то вроде разочарования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.